

В.В. Козина^{1*}, А.И. Кудайбергенова², Д.А. Джумабеков¹, А.З. Жуманова¹, С.К. Кентбек¹

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казакстан;

²Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казакстан

(E-mail: vkozina55@mail.ru; azmukhan@mail.ru; aiman_jumanova@mail.ru)

Голод в Центральном Казахстане в начале XX века и его социально-демографические последствия

Политические события начала XX века: Первая мировая война, военная интервенция, гражданская война, первые мероприятия советской власти, коллективизация, индустриализация принесли тяжелые бедствия народным массам, нанесли огромный ущерб хозяйству края. На основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, приводятся факты, свидетельствующие о трёх катастрофах массового голода в Центральном Казахстане: в 1917–1918 гг., 1921–1922 гг. и в 1929–1933 гг. Всего в результате голодомора в Казахстане умерло более четырех миллионов человек. Трагические события тех лет повлияли на социальные, демографические процессы, изменили не только численность и расселение населения, но и качественные характеристики, а также процессы воспроизводства.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, голод, коллективизация, индустриализация, седентаризация, урбанизация, социально-демографические последствия.

Введение

О трагических событиях начала XX века в Казахстане, массовом голоде и его последствиях написано немало, вместе с тем, требуют освещения региональные социально-демографические последствия трагических событий. Известно, что в начале XX века три катастрофы пережил Казахстан: в 1917–1918 гг., 1921–1922 гг. и в 1929–1933 гг. Они имели место и в Центральном Казахстане. В советское время эта трагедия тщательно замалчивалась. Все документы и данные были засекречены. Только в период Независимости эти ужасные события получили должное внимание. Вопрос необходимости системного, всестороннего и глубокого изучения данной тематики был поставлен на высоком государственном уровне.

В отечественной историографии недостаточно изучены драматические события первой катастрофы — массового голода 1917–1918 гг. В научной литературе приводятся лишь трагические события в Туркестанском крае. Вместе с тем, изучение статистических материалов этого периода, в целом, по Казахстану и его регионам, даёт возможность сделать вывод, что кочевые районы Казахстана испытали последствия правления нового строя гораздо раньше, чем полукочевые и земледельческие районы. Большой интерес в этой связи представляет Центральный Казахстан, заселенный большей частью казахами, ведущими кочевой образ жизни.

Наименее изучена вторая катастрофа в регионе (1921–1923 гг.), когда большую часть территории Казахстана постигло страшное стихийное бедствие — сильная засуха и нашествие саранчи. Особенно тяжело это сказалось на кочевых районах, к которым относится Центральный Казахстан. Ситуацию усугубили первые мероприятия советской власти. Стечение обстоятельств стало причиной массового голода и откочевки населения. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев призвал специалистов уделить внимание такому важному историческому событию, как голод в Казахстане в начале 1920-х годов. По мнению К.-Ж. Токаева, «...голод унес жизни миллионов казахов... если бы не голод, нас было бы гораздо больше...» [1].

Особо трагичным был массовый голод 1929–1930-х годов. Причинами голода стали: 1) претворение в жизнь Постановления ЦИК и СНК Казахской АССР «О конфискации байских хозяйств» от 27 августа 1928 г.; 2) Постановление ВЦИК и СНК Казахской АССР «О коллективизации» от 1 февраля 1930 г.; 3) насильственное изъятие собственности — скота (единственного средства жизни и пропитания) у животноводов-кочевников и природные катаклизмы — джуг.

В результате насильственной коллективизации, массового оседания, вынужденных откочевок за пределы Центрального Казахстана, голода и эпидемий численность казахского населения резко сократилась. В ходе индустриализации высокие темпы экономического развития региона, требовавшие постоянного притока рабочей силы, превратили его из мононационального в многонациональный, и казахи стали меньшинством на своей исконной территории. Трагические события повлияли на особенности расселения, изменили социальную, профессиональную структуру и другие качественные характеристики населения региона.

Анализ документов позволяет утверждать, что людские потери в результате голода, эпидемий и откочевок в Центральном Казахстане значительно превышают разницу между данными переписи населения 1926 и 1939 гг. и касаются не только казахского населения. Несовершенство приёмов статистики, или вовсе ее отсутствие, не позволяет точно определить людские потери в результате трагических событий в регионе и в этот исторический период.

Материалы и методы исследования

Методологической основой статьи является совокупность теоретико-методологических принципов и подходов историко-демографического направления в науке: историзма, объективности, всесторонности рассмотрения взаимосвязи и взаимообусловленности исторических явлений и демографических процессов. Основным методологическим принципом является принцип историзма. Демографические процессы изучаются в контексте исторического развития: определены факторы изменения динамики численности населения региона и его этнической структуры, особенности демографического поведения местного и «пришлого» населения в городской и сельской местности, изменение качественных характеристик под воздействием социально-экономических и социально-политических факторов; выявлены закономерности и причинно-следственные связи демографических процессов — рождаемости, смертности, воспроизводства и др.

Основными общеисторическими методами, использованными авторами в написании статьи, являются: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный. Историко-генетический метод применен при установлении и раскрытии свойств изучаемой реальности, установлении начальных стадий социальных явлений; историко-сравнительный метод позволил посредством сравнения выявить общее и особенное в развитии отдельных демографических процессов (рождаемости, смертности) или групп населения (мужчин, женщин, городского, сельского населения и др.); историко-типологический метод — выделить те или иные группы населения по характеру схожести их свойств или различий; историко-системный метод был использован при изучении народонаселения региона, как единого целого через смежную социальную систему.

Источниковую базу статьи составили опубликованные и неопубликованные архивные документы казахстанских и российских архивов. Неполные статистические данные о демографическом развитии Центрально-Казахстанского региона в начале XX века содержатся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан в Фондах областных правлений и Статистических комитетов.

В Фондах Государственного архива Карагандинской области документы, свидетельствующие о голоде и его последствия почти все уничтожены: отсутствует документация большинства райздравотделов региона за период с 1928 по 1934 гг., по горздравотделу документация фрагментарно сохранилась, начиная с 1931 г. В целом, по области за период с 1929 по 1937 гг. в документах по голоду информация нулевая (провал). Документы, которые, хотя бы косвенно могут осветить ситуацию, содержатся в небольшом количестве и представлены материалами учреждений Каркаралинского округа: Совета рабочих и крестьянских депутатов, Горисполкома, Земельного управления, Финансового отдела, Округной прокуратуры. Отдельные фрагменты по теме содержатся в Архивных фондах Карагандинской горпрокуратуры, Карагандинского горкома партии, Карагандинского горздравотдела. Большая часть архивных материалов написана на арабском и латинских языках, многие вводятся впервые в научный оборот.

Обсуждения проблемы и результаты исследования

Оценка трагических событий тех лет до сих пор не получила однозначной оценки ни с политической точки зрения, ни с позиции академического исследования. Многие отечественные ученые оценивают голод как геноцид казахского народа, «этноцид»; иностранные ученые (Марта Брилл Олкотт, Стивен Уиткрофт, Роберт Дэвис, Роберт Киндлер и другие) приходят к выводу, что голод в Казахстане не был геноцидом, а гибель казахов произошла «из-за кочевого образа жизни».

До сих пор остается открытым вопрос: «Сколько казахов погибло во время голода 1929–1933 гг.?» На этот вопрос отвечают историки Казахстана по-разному: 1180 тыс. чел. (М.-А. Асылбек); 1050 тыс. — 1100 тыс. (Б. Толепбаев и В. Осипов); 1750 тыс. (М. Козыбаев и К. Алдажуманов); 2–3 млн. (писатели Б. Нуржекеев и С. Елубаев); 2300 тыс. (М. Татимов); 1794 тыс. чел. (А. Алексеенко и Н. Масанов).

Теоретической основой исследования являются разработки отечественных учёных по теме голода в Казахстане — Манаша Козыбаева, Таласа Омарбекова, Кайдара Алдажуманова, Жулдузбека Абылхожина [2] и других, выработавших новый междисциплинарный инструментарий оценки коллективизации в русле социальной истории.

Политика проведения коллективизации и её итоги были рассмотрены с новых позиций сегодняшнего дня участниками Круглого стола на тему: «Тернистый путь к свободе: исторический взгляд на последствия Ашаршылык». Это событие сыграло заметную роль в расширении горизонтов исследований, дальнейшего сбора и систематизации новых документов. Конкретным результатом прошедшего Круглого стола стал выход трёхтомного издания документальной хроники «Ашаршылык. Голод 1928–1934», где собраны важные документы и данные, касающиеся голода в Казахской степи: факторах и причинах голода, его предпосылках, катастрофических последствиях, и другая важная информация, в том числе по Центральному Казахстану. Особое значение имеют рассекреченные документы российских архивов, ранее неизвестные казахстанской общественности.

В исторической науке Казахстана разработка проблем голода только начинается, региональные исследования почти отсутствуют. В этой связи большой интерес для нас представляет статья З.Г. Сактагановой «Ашаршылык — Великий джунт» 1931–1933 гг. в Центральном Казахстане: к постановке проблемы» [3]. Автор проводит сопоставление общих закономерностей голода в XX в. и выделяет специфику казахстанского «Великого джунта»; анализирует исследования зарубежных и отечественных авторов по выявлению причин голода в Казахской степи; приходит к выводу, что «предтечей голода стал комплекс мероприятий, которые осуществляла власть параллельно с коллективизацией. Одной из главных особенностей, основной спецификой советской модернизации в 20–30-е гг. XX в. в Казахской степи являлись процессы седентаризации — оседания кочевников». В статье приводятся динамика численности и изменение национальной структуры населения Центрального Казахстана в 1926–1939 гг.

Первая волна массового голода в Центральном Казахстане была вызвана чередой бурных политических событий. Первая мировая война, военная интервенция, гражданская война принесли тяжёлые бедствия и страдания народу, нанесли огромный ущерб хозяйству края. На нужды фронта у населения изымали скот, хлеб и другие продукты без всякого учета реальных возможностей. В 1916 г. военное ведомство произвело массовые принудительные заготовки лошадей. Большой ущерб нанесли карательные экспедиции во время Восстания 1916 года. Трудно представить также убытки от массового грабежа мародеров, «реквизиций» скота, фуража, зерна сменяющимися друг друга властями и т.д. В четырех уездах Акмолинской области было истреблено и угнано в эти годы более двух миллионов голов скота [4; 73].

Анализ материалов Первой советской переписи населения 1920 г., сельскохозяйственной переписи, единовременных учётов промышленных предприятий и различных документов начала 1920-х годов даёт нам картину социально-экономического и политического кризиса Казахского края и его регионов в этот период, фактически освещает демографические последствия первого трагического периода в Центральном Казахстане. К сожалению, перепись 1920 г. не даёт полной картины по волостям. Вместе с тем изучение динамики численности населения, в целом, по Казахстану свидетельствует, что увеличение населения произошло в тех областях, где земледелием занималось более половины населения и у животноводства была хоть какая-то альтернатива, и в тех, где природно-климатические условия позволили даже в неблагоприятные годы собрать относительно неплохой урожай, — в Семипалатинской и Акмолинской. Кочевые и полукочевые районы уже тогда подверглись голоду, ставшему причиной высокой смертности населения и миграции не только за пределы региона, но и за границу. В таких районах численность населения не только не осталась прежней, но и значительно сократилась, даже в оседлых оазисах, окруженных зоной бедствия.

К таким регионам относится Центральный Казахстан, что отчетливо наблюдается по динамике численности населения Каркаралинского уезда в 1897–1920 гг. Численность сельского (кочевое) населения уезда уменьшилась на 28 145 чел., или на 16,8 %. Городское население сократилось на 191

чел., или на 4,3 %. В последующие годы негативные демографические тенденции, характерные только для кочевых регионов, стали реальностью для всей республики [5; 206].

Вторая катастрофа в регионе (1921–1923 гг.) связана с последствиями первых мероприятий Советской власти в крае. Продовольственная разверстка, проводимая по всей стране новой властью во время и после окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны, оказала отрицательное воздействие на экономику сельского хозяйства Казахстана. К тому же 1920 год оказался неурожайным и отдельные территории края постиг джуг. При резком уменьшении поголовья скота значительная часть кочевых хозяйств и крестьянских переселенцев не могла уплатить налога. В следующий, 1921 год, засуха уничтожила травы, не стало корма для скота. Уже осенью начался массовый падеж, резко усилившийся зимой.

В результате с 1914 по 1922 гг. в Казахском крае численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн; лошадей — на 2 млн; мелкого рогатого скота (овец и коз) — почти на 6,5 млн; верблюдов — на 0,3 млн голов. В целом, поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,8 млн единиц, или на 47,4 %. В 1920 г. в Атбасарском уезде 10,5 % хозяйств вообще не имели скота, или имели только 1 голову (в переводе на крупный скот); 20,2 % хозяйств — по 2 головы; 11,9 % — по 3 головы. В Каркаралинском уезде более 24 % кочевых хозяйств не имели никакого скота, или имели менее 10 голов овец, в то время, как известно, что в условиях кочевого хозяйства, где большинство населения не имело посевов, скот являлся основным источником существования. По подсчетам экономистов, среднее кочевое хозяйство для поддержания своего существования должно было иметь приблизительно 100–150 голов скота (в переводе на мелкий скот, например, овец) [4; 94, 95]. Согласно местным статистическим данным, для восстановления скотоводства потребовалось бы 25 лет, т.е. только в 1948 г. оно достигло бы уровня 1916 г. «Можно проехать сотни вёрст, — сообщалось в Докладной записке представителя Казахской АССР в Совет труда и обороны, — и не встретить ни одного живого существа...». В хозяйственном обиходе населения лошадь стала редкостью» [6; 33].

Посевные площади в Казахстане сократились с 3,6 млн дес. в 1914 г. до 1,6 млн дес. в 1922 г. Урожайность упала с 38,7 пудов в том же, 1914 г., до 18,7 в 1921 г. Валовые сборы зерна уменьшились за этот период более чем в три раза. Посевные площади в Центральном Казахстане сократились в 1,1 раза, в том числе озимые — в 2,5 раза, кормовые — в 7,2 раза [4; 102, 103].

В результате стихийного бедствия в республике голодало более 2 млн 300 тыс. человек. Наблюдались большая смертность и миграция из районов бедствия. Экономика региона была окончательно разрушена. Население открыто выражало недовольство, выступления против Советской власти прокатились по всему Казахстану. Обеспокоенное массовыми беспорядками Советское правительство Декретом «О натуральном мясном налоге» от 14 июня 1921 г. освободило кочевые и полукочевые казахские хозяйства от мясного налога. В «Постановлении Президиума ЦИК КАССР об отмене налога на мясо, кожу, шерсть и масло с кочевого и полукочевого населения» от 28 июня 1921 г. говорилось: «Учитывая тяжелую нужду и голод, переживаемые скотоводами-кочевниками, огромный падеж скота от джуга... доводим до сведения всего населения, что в 1921 г. с кочевников и полукочевников никаких налогов на мясо, шерсть и кожу взиматься не будет, налог на масло, уже объявленный Декретом Кирсовнаркома от 11 мая 1921 г. в части, касающейся кочевников, настоящим отменяется... Все имеющиеся у кочевников излишки кожи, шерсти и скота, они вправе свободно продавать и никто не вправе помешать в этом. Никто не вправе также насильно заставить продавать эти продукты» [7; 16]. Это положение распространялось по всей республике, в том числе в Акмолинской и Семипалатинской областях Центрального Казахстана.

Несмотря на то, что восстановление хозяйства шло медленно, в Центральном Казахстане началось некоторое восстановление численности населения. Наше предположение основано на том, что материалы выборочных обследований КАССР с 1923 по 1924 гг. показали, что сельское население только за один год возросло почти на 7,7 %, а к концу 1925 г. все население края составило 5600–5700 тыс. чел., то есть увеличилось по сравнению с 1920 г. на 800–900 тыс. чел. [4; 187].

При отсутствии катаклизмов и войн скотоводческое хозяйство и земледелие переселенческих секторов вполне могло удовлетворить внутренние потребности региона. Уже к середине 1920-х гг. развитие экономики начало налаживаться. Но этот процесс был приостановлен в декабре 1925 г., когда XIV съезд ВКП (б) принял Постановление об упразднении нэпа и взял курс на индустриализацию народного хозяйства, а XV съезд — на коллективизацию сельского хозяйства.

Результатом проведения социалистических экспериментов был третий трагических период 1929–1933 гг. Богатство природных ресурсов Центрального Казахстана, способных обеспечить интенсивное развитие угледобычи, цветной и черной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, преопределили его историческую миссию как одной из составляющих большевистской программы преобразования молодой Советской страны из аграрной в индустриальную. Для реализации широкого промышленного и другого строительства в таких масштабах, в Центральном Казахстане отсутствовали объективные предпосылки. Гиганты индустрии создавались в животноводческих районах, где преобладало казахское население или вовсе в пустынных районах. Сегодня с уверенностью можно сказать, что в кочевых районах коллективизация и седентаризация кочевников были тесно связаны с необходимостью привлечения казахского населения для строительства и обслуживания гигантов индустрии, т.е. с индустриализацией. Были созданы областные органы коренизации, которые функционировали более трех лет, целью которых было осуществление мер по привлечению местного населения на стройки промышленных объектов.

Казахстан был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию предполагалось завершить весной 1932 года (за исключением кочевых и полукочевых районов). Подготовить почву для успешной и полной коллективизации всех хозяйств призвана была компания по оседанию.

В Центральном Казахстане, как районе преимущественно кочевого скотоводства, коллективизацию предполагалось завершить позже, чем в других районах, но в республиканских партийных и советских органах даже форсированные сроки коллективизации были восприняты как планка, которую необходимо было во что бы то ни стало обязательно «перепрыгнуть». Показательны в этом отношении темпы коллективизации в одном из крупных районов Центрального Казахстана — Тельмановском. Если по состоянию на 1 октября 1930 г. процент коллективизации здесь составлял 19 % всех хозяйств района, то уже к маю 1931 года — 74 % [8; 13]. На 1 мая 1932 г. было коллективизировано по Тельмановскому району 85 % казахских, 90 % русских и 79,5 % немецких хозяйств. К 25 декабря 1932 г. была достигнута уже 100 % коллективизация [9; 52].

Сотни скотоводческих хозяйства «стягивались» с огромной территории в одно место без учета кормовых и водных ресурсов и организовывались поселки по примеру земледельческих деревень в России. Расплата за непродуманные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях скот, не имея возможности прокормиться, попросту погибал. Так, по Сообщению от 28 января 1931 г. в Каркаралинском районе на базах «Союзмясо» скопилось 5 тыс. крупного и 18 тыс. мелкого скота, на почве отсутствия должного ухода среди скота развиваются массовые заболевания» [10; 157].

Сильный удар по крестьянству нанесли кампания по заготовке сельхозпродукции и силовая налоговая политика. Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, которые в своей расчетной основе имели завышенные данные о количестве скота у населения. В результате в районы спускались задания, намного превышающие реальную его численность. Так, Балхашский район, располагавший стадом в 173 тыс. голов скота, получил разверстку почти на 300 тыс. единиц [11; 8].

В результате таких «мероприятий», например, в Нурынском районе, в 1932 г. количество товарных ферм сократилось на 20, в 1933 г. — на 5; поголовье обобщественного скота уменьшилось: в 1932 г. — на 2 483 головы, в 1933 г. — на 1 109 голов, в 1934 г. — на 1 197 голов [11; 104].

В Жанааркинском районе, где население было чисто казахским, ведущим кочевой образ жизни к концу 1931 г. коллективизация была доведена до 87 %. И если в 1931 г. здесь имелось лошадей 10 666 голов, рогатого скота — 9931 голов, верблюдов — 4364 голов, овец и коз — 26620, то на 1 декабря 1932 г. лошадей осталось 343, рогатого скота — 453, верблюдов — 119, овец и коз — 2057. Из 5381 хозяйств с 24939 душ осталось 1473 хозяйства и 5720 душ [12; 388].

Коллективизация осложнялась еще и тем, что проводили её и руководили ею работники, воодушевленные лучшими намерениями, но пришедшие со стороны, не знавшие ни казахского языка, ни казахского аула. Ко всему прочему они были русскими, что придавало всему мероприятию оттенок национального конфликта. Столкновения тогда разрослись до трагических пределов. В Центральном Казахстане в 1931 г. вспыхнули восстания в Абралинском, Чингизстауском, Чубартауском районах Каркаралинского округа. Всего по Казахстану за 1929–1932 гг. произошло 372 антиправительственных выступления [13; 26].

Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения и произвола властей, казахи сотнями тысяч бежали в чужие края. Так, если в 1930 г. из Казахстана откочевало, по официальным данным, 121,2 тыс. чел., то в 1931 г. — 1 млн. 74 тыс. чел., то есть треть казахского народа [14].

В Докладной записке начальника Управления по организации труда и распределению Наркомзема Н.А. Татаева наркому земледелия Я.А. Яковлеву сообщалось, что к перекочевке из Казахстана переходит не только казахское кочевое и полукочевое население, но и давно оседлое украинское и русское население. «Из-за невозможности разведения в единоличном хозяйстве колхозников крупного, мелкого рогатого скота, свиней, птиц и невозможностью иметь свой огород, — оно более легко снимается с мест, бросая земледелие» [12; 350].

Следствием коллективизации стал голод 1931–1933 гг. Это была страшная трагедия для казахстанцев. В Спецсводке секретно-политического отдела ОГПУ «О продовольственных затруднениях в Казахстане» районы Центрального Казахстана отмечены как наиболее неблагоприятные: «...особенно острые продовольственные затруднения переживают Тургайский, Батпакаринский, Карсакапайский и Кувский районы. ...В этих районах сельское хозяйство крайне подорвано, почти полностью уничтожен скот, поля остались незасеянными ... население голодает. Казахи питаются кореньями, сусликами, мышами. Помещения РИКов набиты голодающими, которые тут же умирают. В Тургайском районе, где 50 % посевов погибли, до 5 октября умерло от голода 4452 чел. Ежедневно умирает средним по 20 чел. По району 77 тыс. человек совершенно не имеют продовольствия. ...В Кувском районе в колхозе «Шуакал» ежедневно умирают от голода 3–4 колхозника... В Карсакапайском районе ежедневно умирает по 2–3 чел. [12; 376].

Тревожные сведения были изложены в письме № 60 от 1932 г. (август) Председателя СНК КАССР У. Исаева Сталину, в них есть и данные по Центральному Казахстану: «В 10–12 казахских районах Центрального Казахстана голодает и сейчас значительная часть населения. По приблизительным данным, весной этого года с голоду умерло 10–15 человек, массовые откочевки, уход в другие края и республики, особенно усилившиеся в 1931 г., не приостановились и сейчас. Во многих казахских районах, по сравнению с 1929 г., не осталось и половины населения. Общее количество крестьянских хозяйств края сейчас меньше, чем в 1931 г. на 23–25 %» [15; 186, 187].

В 1932 г. Турар Рыскулов, работавший Председателем СНК РСФСР, лично неоднократно с болью информировал Сталина о положении в республике: «... в Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тыс., откочевало 12 тыс., умерло 30 тыс., ... в Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50 400 чел., а с ноября месяца осталось 15 900 чел., то есть уменьшилось в 3,2 раза. Если в годы освоения Каркаралинского округа здесь было 200 тыс. лошадей, 77 тыс. голов крупного рогатого скота, свыше миллиона овец, 32 тыс. верблюдов, то в 1933 г. численность скота снизилась почти в восемь раз. От голода гибли целые аулы. От большого аула Бек-кожа остались всего две семьи [15; 157].

О массовой гибели людей в районах Центрального Казахстана свидетельствуют сводки уполномоченных Крайкома ВКП (б) и СНК КазАССР. «В 1932 году в Нуринском районе умерли на почве продзатруднений в № 7 аулсовете 22 чел., в колхозе «Кок Озек» около 300 чел., т.е. 50 % населения... К весне после таяния снега на территории городка Нура найдено большое количество трупов, в одну яму бросили 75 трупов, собранных из под снега, в другую — 97 трупов, а в третью — 60 трупов, итого 232 трупа. Найдены трупы и около поселка Черниговка — 60–70 чел. [12; 16]

В связи с голодом пострадали аулы, стоящие далеко от райцентра. В ауле № 8 было хозяйств 360, осталось 27 хозяйств. В ауле № 9 было хозяйств 343, осталось 49. Особенно в этих аулах было распространено людоедство, людей выкапывали из могил... По сведениям органов ГПУ, умерших от голода насчитывалось по району 3612 чел. Ужасную картину можно было видеть в самом районном центре. Люди мертвыми лежали на улице, во дворе, на крышах домов, в сенях, базах и даже в домах, где оставшиеся еще живые люди спали совместно с мертвецами [12; 388, 389]. Были отмечены случаи людоедства в Кызыл-Тусском, Аиртауском районах и городе Караганде [12; 460].

Власть, в лице Казкрайкома, отмечала наличие массовых продовольственных затруднений, были предприняты попытки решить экономические проблемы путем оказания продовольственной помощи, но масштабы катастрофы, несвоевременное и неправильное её распределение, систематическое расхищение и разбазаривание фондов давали шанс на спасение лишь маленькой части обездоленных людей.

В Докладной записке У. Исаеву о положении Жанааркинского района сообщается: « В конце ноября и начале декабря (1932 год. — Авт.), когда все ... поселки и аулы Нуринского, Акмолинского районов на протяжении 300 верст были заняты голодными жанааркинцами, где они, не получая продпомощи, умирали по дороге...в поселках, аулах этих районов ...наши враги поднимали этих мертвецов...и ставили их на снег в позу с вытянутыми на восток правой рукой в позу оратора, стоя-

щего перед тысячной толпой...на его вытянутой руке, мы находили небольшой клочок бумаги с надписью «Результат коллективизации» [12; 391].

Однако темпы коллективизации отнюдь не были замедлены, напротив, даже, по сравнению с общереспубликанскими показателями, они были более динамичны. Так, если за период с 1930 по 1935 гг. в Казахстане процент коллективизации (по числу хозяйств) вырос с 30,3 % до 90,5; по Карагандинской области — с 26,6 % до 93; по Каркаралинскому округу только за два года (с 1933 по 1935) — с 73,1 % до 98,2 % [16; 96].

В Демонстрационном фонде Историко-краеведческого музея Карагандинской области имеется «Докладная записка по вопросам коллективизации в Карагандинской области», в которой представлена динамика коллективизации за период с 1 января 1933 года до 1 июля 1934 г., дающая картину резкого сокращения населения (см. табл.).

Динамика коллективизации Карагандинской области с 1 января 1933 г. по 1 июля 1934 г.

Дата	Всего населенных сельских хозяйств	Из них			
		колхозных хозяйств	%	единоличных хозяйств	%
1 января 1933 г.	127132	115849	91,1	11283	8,9
1 июля 1933 г.	107142	95013	88,6	12129	11,4
1 января 1934 г.	114385	99924	87,3	14461	12,7
1 июля 1934 г.	105238	93397	88,7	11841	11,3

Как видно из приведенной выше таблицы, сельское население области к 1 июля 1934 г. сократилось, по сравнению с 1 января 1933 г., на 21 894 хозяйства, или на 17,4 %, причем число колхозных хозяйств сократилось на 22 452, или на 19,4 %; количество единоличных хозяйств, напротив, увеличилось на 558, или на 4,9 %. Основная масса сокращений (98,2 %) пришлась на районы: Арыкбалыкский, Энбекшильдерский, Акмолинский, Кокшетауский, Рузаевский.

Оставшиеся на территории региона казахи, лишенные скота, чтобы не погибнуть от голода, стали стекаться в Карагандинский промышленный район на строительство шахт и в Северное Прибалхашье на строительство комбината, причем при передвижении значительное число перекочевщиков от истощения умирало. Наплыв откочевников был настолько велик, что, например, на строительстве Балхашского металлургического комбината даже встал вопрос об эвакуации некоторой части населения, так как стройка находилась в бедственном положении, продовольственный паёк получали только рабочие, и на строительстве комбината было оставлено только 2500 чел. В первом полугодии 1930 г. удельный вес самостоятельно пришедших на работу доходил до 50 % всех вновь принятых [17; 75–79]. Но обездоленные казахи продолжали прибывать. Ускорению этого процесса способствовала посылка вербовочных бригад в оседающие хозяйства. С бывшими кочевниками проводились разъяснительные беседы, и осуществлялась их организованная отправка на промышленные объекты региона [18; 77 а, 77 б].

Главным пунктом скопления откочевников в эти годы стала Караганда. Только в течение 1932 г. в порядке оргнабора и оседания в Караганду прибыло 4 700 чел. [19; 4]. Но это совсем не означало, что казахи находили здесь работу и жилье. Документы тех лет свидетельствуют об обратном. Если даже они и принимались на работу, то тут же увольнялись «вследствие «непригодности» откочевщиков-казахов...», так как они в огромном большинстве *(были. — Авт.)* больны и надорваны...» [11; 174].

Турар Рыскулов лично сообщал Сталину в 1932 г.: «в Караганде в прошлую зиму умерло около 1500 казахов... среди них рабочие... от голода и эпидемий... голодные казахи массами скапливаются около промышленных пунктов (Караганда, Балхаш, Карсакпай и др.) и не могут пристроиться и нарушают нормальный ход работы этих промышленных пунктов... в ряде пунктов оседания казахи побросали постройки и ушли в поисках пропитания, в Карагандинской области 4 100 построек пустует...» [15; 186, 187].

Осевшие в Караганде откочевщики и даже те, которые были завербованы в качестве рабочей силы находились в тяжелых материально-бытовых условиях, сопровождающихся большой смертностью на почве голода и истощения. Сама вербовка осуществлялась исключительно безобразно. Так, в мае 1932 г. в числе завербованных в Павлодаре 1800 человек трудоспособных оказалось лишь 15 %, остальные — старики, малолетние дети и сильно истощенные — которых сразу использовать было

невозможно. При их переброске в Караганду им были выданы продукты на трое суток (вместо обещанных 7 суток), в результате дорогой они голодали и многие от истощения умерли. Прибывших на работу не приняли, не снабдили их продовольствием. Массовые случаи заболевания и голодных смертей достигло более 300 человек в сутки. За время с 1 июля по 25 августа милицией было подобрано 806 трупов, не считая те, которые хоронились родственниками или близкими самих откочевщиков. В числе умерших от голода были также откочевщики, ранее находившиеся на работах и уволенные за невыполнение норм выработки. Это объяснялось тем, что семьи рабочих, не проработавших 2-х месяцев, не обеспечивались пайками, и рабочие были вынуждены, отрывая от себя, кормить свою семью... «снижая тем самым свою работоспособность». Таких уволенных в Караганде на 20 августа 1932 года за невыполнение норм выработки ввиду истощенности насчитывалось 270 человек [12; 370].

Мотивируя тем, что для осуществления индустриализации края в таких масштабах нужна была квалифицированная рабочая сила, а местное население не отвечало этим требованиям, советское руководство проводило мероприятия по привлечению трудовых ресурсов извне. Еще 13 февраля 1929 г. по решению Бюро Казкрайкома ВКП (б) было создано Переселенческое управление и утвержден План проведения переселенческих работ в Крае. Центральный Казахстан в начале 1930-х годов стал местом «кулацкой ссылки». В голодную Караганду первый эшелон с кулаками прибыл в самом конце июня 1931 года. Возникло четыре поселка: Новая Тихоновка, Майкудук, Компанейский, Пришахтинск. На 10 сентября 1933 г. в карагандинских спецпоселениях проживало уже 45700 спецпереселенцев [20; Л. 9, 10]. О масштабах смертности спецконтингента мы не располагаем информацией. Об этой трагедии можно судить по многочисленным захоронениям тех лет, рассказам очевидцев, да кратким фрагментам, чудом уцелевшим в архивах. Так, например, в Спецсообщении СПО ОГПУ № 146380 «О продовольственных затруднениях в Казахстане» от 22 января 1934 г. сообщается: «В ряде русских колхозов Карагандинской области возрастают случаи опухания от голода. В Арык-Балыкском районе в коммуне «Красное Возрождение» от недоедания опухло 12 коммунаров, умерло — 2. В Атбасарском районе в колхозе «Авангард» умерли 3 человека, опухших от голода — до 50 человек. В Акмолинском районе в колхозе Астраханке опухли от голода 3 семьи [12; 741, 742].

В результате острых продовольственных затруднений, низкого уровня гигиены и антисанитарных условий в регионе распространялись эпидемиологические заболевания. В письме СНК У. Кулумбетова, наркома НКЗ КАСССР С. Асфендиярова СНК РСФСР «О неблагоприятном эпидемиологическом положении ряда областей Казахстана и нехватке эпидемиологов и санврачей» от 31 декабря 1932 г. отмечено, что «...среди наиболее неблагоприятных ...город Караганда и пос. Степняк Карагандинской области [12; 878]. В Спецсообщении ОГПУ об эпидемиях по Союзу ССР от 8 марта 1933 года под грифом «Совершенно секретно» Карагандинская область названа в числе самых неблагоприятных — «287 случаев сыпняка, брюшняка и оспы... вспыхнула эпидемия цинги, каковой охвачено 40 % населения. Наблюдается высокая смертность» [12; 927].

В соответствии со Специальным постановлением Совнаркома от 27 ноября 1932 г. и крайкома ВКП (б) от 5 декабря этого же года было указано: «Развернуть в регионе противоэпидемиологическую борьбу», но отсутствие необходимых кадров, средств, недостаточная вооруженность дезкамерами, недостаток фондов снабжения снижали на нет все попытки как-то повлиять на ситуацию. Таким образом, голод и эпидемии стали причиной высокой смертности населения. Голодные люди более подвержены заболеваниям, а их организм имеет низкую сопротивляемость инфекциям.

Третий голод в Казахстане стал следствием преступной политики советских властей. Это был крах административно-командного менеджмента советского руководства, произошедший в результате непродуманности, неподготовленности и спешки в осуществлении всего курса оседания (седентаризации) и коллективизации кочевников.

Трагические события, связанные с третьим смертоносным голодом в годы коллективизации, привели к кардинальным изменениям в развитии казахского этноса в Центральном Казахстане. По переписи населения 1926 года, численность казахов составляла 280 317 чел. За период между переписями 1926–1939 гг. в результате вынужденных откочетов за пределы региона, высокой смертности из-за голода и эпидемий, численность казахов резко сократилась более, чем наполовину (до 136 541 чел. в 1939 г.) [20; 77].

За короткий исторический отрезок времени Центральный Казахстан из мононационального 85,3 % казахского населения, согласно Переписи 1926 года, превратился в многонациональный. Впервые казахи стали меньшинством на своей исконно исторической земле. Их удельный вес в об-

щей численности населения региона по переписи 1939 года стал составлять 32,6 %. Наиболее многочисленным этносом стали русские — с 15 196 чел. в 1926 г. (4,6 %) до 190 017 чел. в 1939 г. (45,5 %); увеличилась численность украинцев (с 24988 чел. в 1926 г. до 40177 чел. в 1939 г.); татар (с 712 чел. в 1926 г. до 5824 чел. в 1939 г.); немцев (с 5589 чел. в 1926 г. до 14814 чел. в 1939 г.). Появились представители этносов, не населявших ранее территорию региона, например корейцы, численность которых в 1939 г. составила 7 536 чел. [20; 77].

В этот же период произошли коренные изменения в расселении населения. По переписи 1926 года подавляющее большинство населения Центрального Казахстана проживало в сельской местности — 98,3 % (323 043 чел.), в основном это были казахи (98,6 %). Коллективизация, и ее последствия, интенсивные потоки промышленной миграции, как добровольной, так и принудительной, оказали серьезное влияние на динамику численности и изменение удельного веса в составе населения сельских жителей. Согласно переписи 1939 года, сельское население региона уменьшилось в абсолютных цифрах на 139 780 чел. и составило 183 263 чел. Удельный вес его в составе населения региона сократился до 43,8 % (уменьшение на 54,5 %). 66,7 % казахов региона были жителями сельской местности, но их удельный вес снизился до 49,7 %. [20; 77]

В ходе индустриализации появились новые города и рабочие поселки, которые возникали у разработок полезных ископаемых и на трассах железнодорожных магистралей. Вплоть до 1930-х годов в Центрально-Казахстанском регионе существовал всего лишь один город — Каркаралинск, где проживало 5 479 чел., или 1,7 % населения региона. Перепись населения 1939 г. зафиксировала уже три города и шесть рабочих поселков. Согласно переписи населения 1939 года, в городских поселениях насчитывалось уже 235 053 чел., что составляло более половины (56,2 %) населения региона. 33 % казахов стали жителями городских поселений, но их доля здесь составила всего лишь 19,3 %. Степень урбанизированности других национальностей выглядела следующим образом. Большая часть русских (70,6 %) были жителями городов, где их доля была наибольшей — 57,1 %. Большая часть других этносов проживала также в городских поселениях: 58,3 украинцев, 50,8 — немцев, 67,5 — корейцев, 66,6 % татар. Их удельный вес в составе городских жителей был равен 9,1%, 3,2, 1,6 и 2,2 % соответственно [20; 77].

В динамике общей численности населения в изучаемый период определенное место занимало естественное движение. Естественный прирост жителей Центрального Казахстана в начале 30-х годов имел отрицательное значение за счет превышения смертности над рождаемостью в результате насильственной коллективизации и голода. В 1933 г. этот показатель только по городским поселениям Казахстана составил 6,4 %, т.е. смертность была почти вдвое больше рождаемости.

О небывалой высокой смертности коренного населения в результате голода и эпидемий свидетельствуют рассказы очевидцев тех лет, эта тема также неоднократно поднималась в научной и художественной литературе. Специальной статистики по естественному движению в этот период не проводилось, она была налажена Отделом статистики лишь во второй половине 1930-х годов. Известно лишь, что 1926–1936 гг. для страны, в целом, были периодом снижения рождаемости, роста смертности, уменьшением воспроизводства населения.

Произошли коренные изменения в социальном составе казахского населения. Прежний социальный слой — бай, представители духовенства (имамы, ишаны, муллы и проч.) — истреблялся, возникли новые классы: рабочие, колхозники и служащие. В промышленности, строительстве и транспорте Центрального Казахстана было занято 35 % населения, что в 1–3 раза больше, чем в других регионах Казахстана [21; 58]. Вместе с тем, удельный вес казахов в числе рабочих, например, в 1933 году составлял 37,5 %, а в декабре 1934 г. — 31,2 %. Казахское население продолжало оставаться аграрным — 59,4 % всех занятых в этой сфере; 25,9 % было занято в промышленности, строительстве и транспорте. Русские, наоборот, большей частью были задействованы в промышленности, строительстве и на транспорте — 41,2 %, а в сельском хозяйстве — 29,6 % [22; 81,85].

Приобщение казахов к индустриальному труду было сложным, порой болезненным процессом, сопряженным с большими психологическими трудностями, порой вынужденной ломкой и перестройкой традиционной национальной психологии, менталитета, языковым барьером в общении на производстве с русскоязычными рабочими, руководством, профсоюзными работниками и т.д. При этом все эти трудности нередко усугублялись и открытой национальной дискриминацией казахов на своей исторической родине со стороны пришлого русского населения.

Заключение

Таким образом, смертность от голода и эпидемий, откочевки из районов бедствия стали причиной сокращения численности населения Центрального Казахстана. Плохая постановка текущего учета на территории Казахстана в начале XX века обусловила особые трудности при определении людских потерь, в том числе от голода. Как говорилось выше, существуют различные мнения ученых на этот счет. В региональном плане этот аспект остается нерешенным, и вряд ли в будущем будут определены достоверные данные.

Другим аспектом, требующим специального изучения, являются масштабы откочевки за пределы региона. По некоторым данным, четвертая часть первоначальной совокупности, или половина уцелевшего населения республики, откочевала в годы голода за рубеж. [23; 209, 210]. Сколько потерял в этой связи Центрально-казахстанский регион остаётся неизвестным.

В начале XX века казахский этнос стоял на грани физического выживания. Силовые методы, использованные властью, при оседании казахов-кочевников, привели к разрушению традиционного уклада казахского общества, трансформации социально-демографических характеристик, генеративного поведения, и оно вступило в полосу кризисной стадии развития. Это выразилось, прежде всего, в кризисе национальной идентичности: языка, истории, культуры, религии, уникальных традиций.

Ежегодно 31 мая в Казахстане отмечается День памяти жертв политических репрессий и голодомора. В этот день Президент страны Касым-Жомарт Токаев в своем Обращении сообщил казахстанцам о том, что с целью завершения реабилитации жертв репрессий была создана Государственная комиссия, перед которой стоит большая задача восстановления исторической справедливости в отношении всех безвинно пострадавших казахстанцев. «Трагические страницы истории стали неотъемлемой частью нашей национальной идентичности., — отметил Президент. — Поэтому память о жертвах политических репрессий и голода будет жить в веках. Усвоив уроки истории, мы сделаем всё, чтобы подобные трагедии никогда не повторились» [24].

Список литературы

- 1 Данные о голоде должны быть тщательно изучены. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zakon.kz/5053035-dannye-o-golode-dolzhny-byt-tshchatelno.html>
- 2 Абылхожин Ж.Б. Казахская трагедия / Ж. Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов // Вопросы истории. — 1989. — № 7; Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.) / Ж.Б. Абылхожин. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 240 с.; Омарбеков Т. Зобалаң: күштеп ұжымдастыруға қарсылық. 1929–31 жылдары болған халық наразылығы /Т. Омарбеков. — Алматы: Санат, 1994. — 272 б.; Козыбаев М.К. Тоталитарный социализм: реальность и последствия / М.К. Козыбаев, К.С. Алдажуманов. — Алматы: Фонд «XXI век», 1997. — 28 с.
- 3 Сактаганова З.Г. «Ашаршылық — Великий джунт» 1931–1933 гг. в Центральном Казахстане: к постановке проблемы / З.Г. Сактаганова // Вестн. Караганд. ун-та. Сер. История. Философия. — 2021. — № 2. — С. 117–128
- 4 Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана (очерк) / Г.Ф. Дахшлейгер. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. — 192 с.
- 5 ЦГА РК. — Ф. 698. — Оп. 14. — Д. 2. — Л. 206.
- 6 ЦГА РФ. — Ф. 1318. — Оп. 1. — Д. 193. — Л. 33.
- 7 Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.): сб. док. и материалов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. — 592 с.
- 8 Районы Казахстана. Тельмановский, Коунрадский, Нуринский, Баян-Аульский, Риддерский. — Алма-Ата: Изд-во Госплана КазССР, 1931. — 13 с.
- 9 ГАКО. — Ф. 470. — Оп. 1. — Д. 955. — Л. 52.
- 10 АП РК. — Ф. 141. — Оп.1. — Д. 5043. — Л. 157.
- 11 Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг.: сб. док. и материалов / под ред. М.К. Козыбаева; сост. К.С. Алдажуманов и др. — Алматы, 1998. — 174 с.
- 12 Ашаршылық. Голод. 1928–1934. — Алматы: Атамұра, 2021. — 1028 с.
- 13 Козыбаев М.К. Тоталитарный социализм: реальность и последствия / М.К. Козыбаев. — Алматы: Фонд «XXI век», 1997. — 186 с.
- 14 Текст Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативно правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1249050/>
- 15 Голод в казахской степи: Письма тревоги и боли. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1991. — 208 с.
- 16 Социалистическое строительство Казахской АССР. Экономико-статистический справочник за 1920–1935 гг. — М.–Алма-Ата: Изд-во ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. — 410 с.

17 ГАКО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Л. 75–79.

18 ГАКО. — Ф. 341. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 77 а–77 б.

19 Альжанов А. Борьба Коммунистической партии за развитие Карагандинского угольного бассейна в годы второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Альжанов. — Алма-Ата, 1963. — 56 с.

20 Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. — М.: Наука, 1992. — 256 с.

21 Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: национальный аспект. — Алма-Ата: Казахстан, 1987. — 195 с.

22 Рыспекова Б.Т. Пополнение контингента рабочих угольной промышленности Караганды. 30-е годы / Б.Т. Рыспекова // Поиск. — 1996. — № 3. — С. 81–85.

23 История Казахстана: белые пятна: сб. ст. / Сост. Ж.Б. Абылхожин. — Алма-Ата: Казахстан, 1991. — 348 с.

24 Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода 31 мая 2021 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda-3042454>.

В.В. Козина, А.И. Кудайбергенова, Д.А. Джумабеков, А.З. Жуманова, С.К. Кентбек

XX ғасырдың басындағы Орталық Қазақстандағы ашаршылық және оның әлеуметтік-демографиялық салдары

XX ғасырдың басындағы саяси оқиғалар: Бірінші дүниежүзілік соғыс, әскери интервенция, азамат соғысы, кеңес үкіметінің алғашқы шаралары, ұжымдастыру, индустрияландыру қалың бұқараға ауыр апаттар әкелді, өлке шаруашылығына орасан зор зиян келтірді. Кең көлемдегі дереккөздерге, соның ішінде мұрағат материалдарына сүйене отырып, 1917–1918, 1921–1922 және 1929–1933 жылдардағы Орталық Қазақстандағы жаппай ашаршылықтың үш апатын айғақтайтын фактілер келтірілген. Қазақстандағы үш рет болған аштықтың салдарынан барлығы төрт миллионнан астам адам қайтыс болды. Сол жылдардағы қайғылы оқиғалар әлеуметтік, демографиялық процестерге әсер етті, халықтың саны мен қоныстануын ғана емес, сонымен қатар сапалық сипаттамаларын, сондай-ақ көбею процестерін өзгертті.

Кілт сөздер: Орталық Қазақстан, ашаршылық, ұжымдастыру, индустрияландыру, отырықшылық, урбанизация, әлеуметтік-демографиялық зардаптар.

V.V. Kozina, A.I. Kudaibergenova, D.A. Dzhumabekov, A.Z. Zhumanova, S.K. Kentbek

Famine in Central Kazakhstan at the beginning of the XX century and its socio-demographic consequences

The political events of the beginning of the XX century: the First World War, military intervention, civil war, the first events of Soviet power, collectivization, industrialization, brought severe disasters to the masses, caused enormous damage to the economy of the region. A wide range of sources, including archival materials, facts show three periods of catastrophic mass famine in Central Kazakhstan: 1917–1918, 1921–1922, and 1929–1933. In total, more than four million people died because of three hunger strikes in Kazakhstan. The tragic events of those years affected social and demographic processes; changed not only the number and settlement of the population but also qualitative characteristics, as well as reproduction processes.

Keywords: Central Kazakhstan, famine, collectivization, industrialization, sedentarization, urbanization, socio-demographic consequences.

References

1 Danyne o golode dolzhny byt tshchatelno izucheny. Data on hunger should be carefully studied. [electronic resource]. — Access mode: <https://www.zakon.kz/5053035-danyne-o-golode-dolzhny-byt-tshchatelno.html> [in Russian].

2 Abylkhozhin, Zh.B., Kozybayev, M.K., & Tatimov, M.B. (1989). Kazakhstanskaia tragediia [Questions of history], 7 [in Russian].; Abylkhozhin, Zh.B. (1991). Traditsionnaia struktura Kazakhstana. Sotsialno-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniia i transformatsii (1920–1930 gody.) [The traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920–1930s)]. — Alma-Ata: Gylim, 240 p. [in Russian].; Omarbekov, T. (1994). Zobalan:kushtep ujymdastyrugа qarsylyq. 1929–31 jylдары болған халық narazylygy [Zobalan: resistance to forced collectivization. Popular protest of 1929–31]. — Almaty: Sanat, 272. [in Kazakh].; Kozybayev, M.K., & Aldazhumanov, K.S. (1997). Totalitarnyi sotsializm: realnost i posledstviia [Totalitarian Socialism: reality and consequences]. — Almaty: Foundation «XXI century», 28 [in Russian].

3 Saktaganova, Z.G. (2021). «Asharshylyq — Velikii dzhut» 1931–1933 gody v Tsentralnom Kazakhstane: k postanovke problemy [" Famine-great jute" 1931–1933 in Central Kazakhstan: towards the formulation of the problem]. Bulletin Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriia. Filosofii, 2, 117–128 [in Russian].

- 4 Dakhshleiger, G.F. (1996). *Istoriografiia Sovetskogo Kazakhstana (ocherk) [Historiography of Soviet Kazakhstan (essay)]*. Alma-Ata: Izdatelstvo «Nauka» Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 5 TsGA RK [Central State Archive of Kazakhstan]. — F. 698. — Op. 14. — D. 2. — L. 206 [in Russian].
- 6 TsGA RF [Central State Archive of the Russian Federation]. — F. 1318. — Op. 1. — D. 193. — L. 33 [in Russian].
- 7 Sotsialisticheskoe stroitelstvo v Kazakhstane v vosstanovitelnyi period (1921–1925 gg.) [Socialist construction in Kazakhstan during the reconstruction period (1921–1925)] (1962). Sbornik dokumentov i materialov — Collection of documents and materials. Alma-Ata: Izdatelstvo «Nauka» Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 8 Raiony Kazakhstana. Telmanovskii, Kounradskii, Nurinskii, Baian-Aulskii, Ridderskii [Districts of Kazakhstan. Telmanovsky, Konradsky, Nurinsky, Bayan-Aulsky, Riddersky] (1931). Alma-Ata: Izdatelstvo Gosplana Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 9 GAKO [State Archives of the Karaganda region]. — F. 470. — Op. 1. — D. 955. — L. 52 [in Russian].
- 10 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. (1991). — D. 5043. — L. 157 [in Russian].
- 11 Aldazhumanov, K.S. (1998). Nasilstvennaia kollektivizatsiia i golod v Kazakhstane v 1931–1933 gody: sbornik dokumentov i materialov [Forced collectivization and famine in Kazakhstan in 1931–1933. Collection of documents and materials]. M.K. Kozybaev (Ed.). Almaty [in Russian].
- 12 Asharshylyq. Golod. 1928–1934 [Famine. Hungry. 1928–1934] (2021). Almaty: Atamura [in Kazakh, in Russian].
- 13 Kozybaev, M.K. (1997). Totalitarnyi sotsializm: realnost i posledstviia [Totalitarian socialism: reality and consequences]. Almaty: Fond «XXI vek» [in Russian].
- 14 Tekst Zakliucheniia komissii Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Respubliki Kazakhstan po izucheniiu normativno pravovykh aktov privedshikh k golodu vo vremia kollektivizatsii [The text of the Conclusion of the Commission of the Presidium of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on the study of normative legal acts that led to famine during collectivization]. Retrieved from <https://www.twirpx.com/file/1249050/> [in Russian].
- 15 Golod v Kazakhskoi stepi (1991). [Famine in the Kazakh steppe]. Alma-Ata [in Russian].
- 16 Sotsialisticheskoe stroitelstvo KazASSR: Ekonomiko-statisticheskii spravochnik za 1920–1935 gg. [Socialist construction of the Kazakh ASSR. Economic and statistical reference book for 1920–1935]. Moscow [in Russian].
- 17 GAKO [State Archives of the Karaganda region]. — F. 3. — Op. 1. — L. 75–79 [in Russian].
- 18 GAKO [State Archives of the Karaganda region]. — F. 341. — Op. 1. — D. 24. — L. 77 a–77 b [in Russian].
- 19 Alzhanov, A. (1963). Borba Kommunisticheskoi partii za razvitie Karagandinskogo ugolnogo basseina v gody vtoroi i tretei piatiletok (1933–1941 gody.) [The struggle of the Communist Party for the development of the Karaganda coal basin during the second and third five-year plans (1933–1941)]: *Abstract. ... Candidate of Historical Sciences*. — Alma-Ata, 56 [in Russian].
- 20 Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1939 goda. Osnovnye itogi [Union Population Census of 1939. The main results] (1992). — Moscow: Nauka, 256 [in Russian].
- 21 Bazanova, F.N. (1987). Formirovanie i razvitie struktury naseleniia Kazakhskoi SSR: natsionalnyi aspekt [Formation and development of the population structure of the Kazakh SSR: national aspect]. — Alma-Ata: Kazakhstan, 195 [in Russian].
- 22 Ryspekova, B.T. (1996). Popolnenie kontingenta rabochikh ugolnoi promyshlennosti Karagandy. 30-e gody [Replenishment of the contingent of workers of the coal industry of Karaganda. 30s] // Search, 3, 81–85 [in Russian].
- 23 Istoriia Kazakhstana: belye piatna: sbornik statei [History of Kazakhstan: white spots. Sat. Art.] (1991) / Comp. Zh.B. Abylkhozhin. — Alma-Ata: Kazakhstan, 348 [in Russian].
- 24 Obrashchenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva po sluchaiu Dnia pamiati zhertv politicheskikh repressii i goloda 31 maia 2021 goda [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev on the occasion of the Day of Remembrance of Victims of Political Repression and Famine on May 31, 2021] [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.akorda.kz/ru/glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda-304245> [in Russian].